

Фома

РАССКАЗ

I.

Однажды, во время летних каникул, пришли ко мне приятели — Витька и Гришка. В этот день у нас был назначен поход в Казенный лес.

— Собирайся. Пошли. Солнце уже вон где.

— Сейчас. Серка берем?

— А как же!

Схватив приготовленный рюкзак, я сдернул с гвоздя витой ременный поводок и выскочил во двор. Серко, громадная кавказская овчарка, уже скакал на цепи, радостно визжа и размахивая кудлатым, в репьях, хвостом. Он был постоянным спутником в наших походах. Мы отправились. На улицах — тишина и прохлада. Город только просыпался. Серко смиренно шагал рядом со мной и недоуменно косился на опасливо обходящих его редких прохожих. За городом я отстегнул повод, и пес понесся по кустам как угорелый, разминая затекшие мышцы.

В лесу мы бродили долго. Цель нашего похода — изучить и описать виды птиц, гнездящихся в здешних местах. Такое задание дала нам учительница Мария Ивановна, и мы добросовестно его выполняли. У нас уже были хорошие экспонаты для зоологического кабинета: чучела сокола, изура, сизоворонки — мое творчество. Несколько довольно удачных снимков с природы, сделанных Витькой, целая коллекция яиц. В этот день нам встретилось много интересного, и Витька без конца щелкал «лейкой». Я делал записи в блокнот.

После полудня, решив отдохнуть, мы сели под кустом на опушке. Сняли рюкзаки, достали свертки. Сидим. Жуем. И тут слышим — лает в стороне наша собака. Мы насторожились. Серко — пес серьезный. Зря лаять не станет. Значит — нашел что-то. Недаром он все рыскал по кустам. Мы разом вскочили и

помчались на голос собаки.

Серко кружил у одинокого, покареженного молнией дуба. Припадая на передние лапы, он лаял на какое-то шевелящееся пятно. Подбегаем и видим: сидит, прижавшись к дереву, серый, в белом пуху комок. Водит круглыми зелеными глазами, разевает крючковатый клюв, шипит и испуганно чакает: «чак-чак, чак-чак». Мы в недоумении остановились.

— Это кто же такой?

— Филиненок, что ли? Или сова?

— Не похоже — мал очень.

— А ушки на голове. Знаете, кто это? — догадался я. — Самый обыкновенный сыч!

— Сам ты сыч!

— Выдумал тоже! Разве сычи такие?

После короткого спора, мы все же пришли к заключению, что это сыч. Вернее, сычонок.

— Ну, ладно. Что же мы с ним делать будем?

— Надо бы положить его обратно в гнездо. Вон оно, дупло, из которого он выпал.

Мы с сомнением посмотрели вверх, прикинули.

— Высоко... Туда разве долезешь?

— И уцепиться-то не за что.

Витька положил фотоаппарат на траву.

— Вот что, ребята, — сказал он. — Подсадите меня. Только бы мне добраться вон до того сука. А там можно и дальше. Как доберусь, сыча мне бросите.

Мы с готовностью подставили плечи, и Витька полез. Он карабкался, срывался, снова лез. Никак до сучка не дотянется. Наконец мы не выдержали.

— Ну, скоро, что ли?

— Да ногами не дрыгай! По носу прямо...

— А ты не подставляй его, — бурчит сверху Витька, — я не вижу, что там внизу...

— Сейчас, еще разок — э-э-э!

Посыпались кора, мусор какой-то...

— Слазь, ну его к черту, с сычом! — заорал Гришка, протирая

запорошенные глаза.— Слазь, а то брошу!

Потный и красный Витька спрыгнул, посмотрел на дупло.

— Чуть бы выше подпрыгнуть, можно бы залезть. Вот передохну малость...

— Ну да! Что у нас плечи — каменные?

— Ладно,— говорю, — понесем его домой.

— Пусть растет. А там — видно будет.

Я усадил царапающийся и шипящий клубочек в рюкзак, и мы тронулись в обратный путь. Так появился у нас в доме сыч. Всем очень понравился маленький потешный птенец. Бабушка посмотрела, как он, напыжившись, сидит под фикусом, и сказала:

— Фу ты, важный какой! Прямо купец. Фома Поликарпыч...

Взрослые, знавшие его степенство, Фому Поликарпыча, рассмеялись. А кличка эта за сычком так и осталась. Фома был хоть и невелик, но необычайно прожорлив. Он с жадностью набрасывался на все, что подносили, и мигом проглатывал. Особенно Фома любил мясо. Бабушка ежедневно покупала на базаре ему граммов сто разных мясных обрезков. Но Фома рос быстро, и скоро этой порции ему не стало хватать. Тогда, чтобы накормить обжору, мы стали охотиться на воробьев. Фома алчно съедал и наши трофеи. Я просто диву давался, глядя на него. Горло сыча, очевидно, могло растягиваться. Пищу заглатывал он очень крупными кусками, не давая себе труда измельчать ее. Так однажды у нас на глазах он целиком проглотил голову старого воробья вместе с клювом и перьями. Я даже встревожился. Думал — подохнет он после этого. Где там! Переварил.

Наевшись, Фома обычно забирался в укромное место — в беседку, под куст и, накупившись, сидел там. Сыч — птица ночная. Днем он видит плохо. Поэтому и сидит Фома, не показывается. Только лупает глазищами — да чакает: «чак-чак, чак-чак». Но он вовсе не был

необщительным. Стоит только мне появиться в беседке, Фома боком-боком — прыг! И уже на плече. Умостится поудобнее и замрет. Когтями держится крепко — не оторвешь. Так и хожу с ним по двору и дому, как пират с попугаем из «Острова сокровищ».

С ростом изменился облик Фомы. Весь белый пушок на нем заменился перьями. На круглой голове еще больше обозначились ушки. Интересный такой стал — прямо филин в миниатюре. Но что всех поразило, это его необычайная живучесть. Два раза Фома остался жив там, где всякая другая птица ни за что бы не выжила. Первый раз я сам, своими руками, чуть его не погубил. Читал я как-то в беседке. Потом лег и незаметно уснул. Фома по своему обыкновению торчал на моем плече. На мне была майка-футболка с шелковым шнуром, концы которого завязаны узлами. И вот слепой-слепой Фома, а рассмотрел эти узлы. Он перебрался ко мне на грудь и от нечего делать принялся тереть шнур клювом. Развязал его, потом схватил оба узла и один за другим проглотил. Узлы продвигались все дальше в желудок, шнур становился короче. Наконец раскрытый рот Фомы оказался у самого моего горла, где шнур вдет в майку. Сыч подергал головой. Шнур больше не проглатывался и его не отпускал. Фома перепугался не на шутку. Он с силой забил крыльями, а в кожу мне вонзились острые когти. Я в страхе подскочил. Ничего не пойму спросонок: прицепился ко мне сыч, по глазам бьет, грудь когтями царапает. Пытаюсь сбросить его — не оторву от себя никак. Тогда я схватил Фому за голову и с силой отшвырнул. Что-то звучно чмокнуло, как пробка из бутылки, и Фома замертво свалился под куст смородины. Он развел крылья и затих.

Я недоуменно разглядывал узлы и все понял. Взял на руки бедного Фому, подул на него, но он не подавал признаков жизни. И не мудрено. Ведь я у него из самого желудка, наверное, вырвал насильно эти узлы. Если бы не спал, я бы, конечно,

поступил иначе. Попросту отрезал бы шнур — пусть лопают, обжора несчастный! А то я не меньше его испугался и растерялся. Больно было, грудь он мне до крови расцарапал. Ну, я и рванул.

Положил я Фому на землю и пошел в кухню. Поделился своим горем с бабушкой. Она покачала головой и говорит.

—Конечно. Где уж там выжить! Это ж ты ему все нутро наизнанку вывернул. Сделай-ка из него чучело и отнеси в школу.

—Верно, — говорю, — хоть память останется,— и вернулся в беседку. Смотрю и глазам не верю: сидит Фома! Взъерошенный, жалкий такой, но живой. Сидит и обиженно чакает: «чак-чак, чак-чак».

Другой случай произошел с ним в доме. Надо сказать, Фома отличался большим любопытством. Так и шнырял по комнатам и всюду совал свой кривой нос. Пробежал как-то Толя, пятилетний мой братишка. У этого человека была привычка — сильно хлопать дверями. Промчался он в столовую. Фома спрыгнул с подоконника и устремился следом: надо же посмотреть, куда он так спешит. Толька не заметил, да как-то хлопнет дверью. Фоме прямо по голове досталось. Отлетел бедный сычонок, пошевелил крыльями, потом вытянулся и застыл. Погоревали и выбросили его на задворки под куст. Утром смотрю — что такое? Синицы, воробьи, даже безобидные ласточки, кружатся в конце двора, пищат, скоком налетают на кого-то. Подхожу — опять сидит Фома как ни в чем не бывало. Глазами водит, клювом щелкает — от птиц обороняется. Принес я его в дом. Все очень обрадовались и немало дивились: ведь мы хорошо слышали, как треснула его головушка, когда Толька по ней дверью стукнул. Отец за обедом кормил его с ножа мясом, смеялся:

— Ну, брат, Фома, если и это перенес — сто лет жить будешь!

А сыч спокойно уплетал мясо, мигая круглыми, зелеными, как у кошки,

глазами.

II.

Зимовал Фома в дедушкиной спальне. Облюбовал там угол и сидел безвылазно, нахохлившийся и мрачный, как демон. Туда ему носили пищу бабушка и кошка Дымка. Принесет, бывало, мышонка и с любопытством смотрит, как Фома схватит его когтями и рвет своим кривым клювом. А Дымка небось голову ломает: «Что за существо такое? Птица — не птица, зверь — не зверь».

Весною ожил Фома. В теплые апрельские вечера вылетит в окно и бесшумно, как летучая мышь, носится над садом и двором. Потом усядется где-нибудь да как заорет:

— О-о-ху! О-хо-хо-ху-о! Жутко орал. Аж мороз пойдет по коже. И невелика вроде бы птица, но до чего ж громкий и противный у нее голос! Излюбленным пристанищем Фомы была печная труба соседей. Взгромоздится на нее и ухает, завывает, к великому неудовольствию соседки, бабки Ильиничны. Увидя в этом дурную примету, старушка приходила к нам и требовала «изничтожить проклятущего сыча». Но разве поднимется рука на общего любимца Фомку?

Тогда Ильинична подговорила мальчишек. Те — рады стараться. В темноте они били на звук из рогаток и швыряли камни. Железная ветхая крыша так грохотала, что бабка, испугавшись за целостность ее, разогнала мальчишек. Тут вскоре Фома сам начал летать куда-то далеко. По ночам его не стало слышно, и соседка успокоилась. Появлялся сыч аж под утро. Летел прямо к дедушкиной спальне и до тех пор царапал окно когтями и долбил клювом, пока ему не открывали. Фома врывался в комнату, забивался в самый угол и затихал.

Я часто оставался ночевать в той уютной комнатушке. Дедушка, проживший большую, интересную жизнь, был мастер рассказывать всякие истории. С увлечением слушая его, я засыпал

поздно и утром спал как убитый. И вот, помню, разбудил меня страшный шум. Раздавалось хлопанье крыльев, скрежет когтей по стеклу — прямо как у Гоголя в повести «Вий». Я в страхе подскочил. Оказывается, прибыл и ломится в окно Фома.

— Явился, нечистый дух,— ворчит дедушка, впуская его.— Разбудил он тебя, окаянный. Ты спи, спи. Рано еще.

Затворяя окно, дедушка продолжал говорить вполголоса:

— Анюту бы сюда хоть на ночь. Померла б со страху, просвира засохшая.

Засыпая, я улыбаюсь. Анюта — бабушкина знакомая, очень набожная, с елейным голоском, боявшаяся как огня чертей, домовых и прочей нечисти. Дед терпеть не мог этой ханжи.

Отдохнув, Фома вылезал из угла и отправлялся на веранду. Здесь как раз завтракали. Съев свою порцию, он сейчас же забирался ко мне на плечо и целый день не покидал нас, ребят. Мы ходили, играли, читали, а Фома, сидя на плече то у того, то у другого, крутил головой и с любопытством присматривался ко всему, что мы делали.

Со временем отлучки Фомы из дому становились все длительней. Летает дня два-три. А раз целую неделю пропадал неизвестно где. Мы уже решили, что он улетел совсем. Но вот как-то утром Фома стремительно ворвался в раскрытое окно веранды и — прямо к столу. Уселся около отца и раскрыл клюв, требуя еды. Отец его всегда баловал, угощал всякими лакомствами на краю стола. Вот и теперь он протянул ему на ноже кусок котлеты, и сыч с жадностью принялся за еду.

— Ешь, ешь, бродяга,— приговаривал отец.— Однако ты, брат, изрядно проголодался. Где же это тебя носило?

Несколько ночей после этого он никуда не улетал. Видно, набирался сил. Вечера проводил дома, услаждая слух своим «пением». Помня, как на соседской крыше сыпался на него град камней, Фома теперь выбирал другое место. Тоже на крыше, только чуть дальше от дома бабки Ильиничны. Труба там высокая,

добротная. Усевшись на ней, Фома оглашал улицу неистовыми воплями, уханьем. Жил в том доме человек пожилой, степенный. Он долго крепился, слушая завывания Фомы и причитания домашних.

— Не к добру — ох, не к добру,— говорила теща, старуха древняя и суеверная.— Вот так-то у Ильиничны голосил. И что же? Сказывала она, как стрельнуло ей в поясницу и не отпускает, и не отпускает. Еле-еле отлегло. Вышел бы ты, Петь, полохнул его, чер... Господи, прости мою душу грешную.

Теща умолкала, но тут же за нею принималась жена.

Он терпел-терпел, потом плюнул, схватил ружье и, выскочив опрометью во двор, разрядил оба ствола по собственной трубе.

Фома сгинул.

Прошло несколько дней, но о нем — ни слуху, ни духу. У нас высказывались разные предположения. Возможно, сметенный свинцом, он свалился в дымоход. Или, если легко ранен, отлетел куда-нибудь подальше и там погиб. А может быть, просто с перепугу забился куда.

III.

Время шло. О Фоме понемногу стали забывать. Но вот уже весной прохожу я мимо группы десятиклассников и слышу обрывок разговора:

— ...Понимаешь, слетает с дерева и прямо Юрке на плечо. Люська с ним танцевала. Как завизжит, дуреха!

—А орет он, братцы,— мурашки по спине...

Я попытался выяснить, о ком идет речь. Но от меня отмахнулись. А тут звонок на урок. Позже от завсегдатаев парка я узнал следующее. С некоторых пор на танцевальной площадке наблюдалось странное явление. В разгар танцев с дерева слетал сыч. Беззвучно проносился над кружащимися парами и садился кому-нибудь на плечо. Чаше всего — ребятам. Девчонки от неожиданности визжали, парни смеялись. Когда сыча пытались взять в руки, он

вырывался, опять взлетал на дерево и сидел там, сверкая зелеными глазницами. Время от времени в песенную мелодию вальса вплетались его жуткие вопли. Из этих рассказов я понял, что это был не кто иной, как Фома.

Очевидно, перепуганный насмерть выстрелами соседа, он не решился возвратиться в наши покои и устроился на жительство в парке. Могучие деревья ему напоминали, должно быть, родной лес. Но, выросший среди людей, Фома скучал. Танцы же сыч воспринимал как наши игры, в которых он всегда участвовал, сидя на чьем-нибудь плече. Вообще плечо — было его любимым пристанищем. Тут он имел возможность видеть, что мы делаем, и, кроме того, чувствовал себя в полной безопасности. Вот и теперь простодушный Фома летел к людям и бесцеремонно усаживался на плечи. Но если у нас его ласкали или попросту не обращали внимание, то здесь, в парке, поднимался непонятный крик и шум. От сыча шарахались или пытались схватить. Умудренный некоторым жизненным опытом, Фома стал осторожен, в руки не давался. Взлетев на дерево, ждал, пока поутихнут. Потом, не вытерпев, снова слетал к танцующим.

Постепенно к нему привыкли, перестали пугать, и Фома часто раскатывался на плечах постоянных посетителей танцплощадки. Я собирался сходить в парк и притащить его домой, но все как-то откладывал. А вскоре, перед самыми экзаменами я узнал от десятиклассников, что Фомы не стало. Вот как это случилось.

В город приехала группа актеров. Гуляя по парку, одна пара зашла на танцплощадку. Стали танцевать. Эти уже не первой молодости люди плавно кружились под томные, мяукающие звуки танго. Откуда ни возьмись — Фома. Подлетел и плюхнулся на обнаженное плечо дамы. Она вскрикнула не своим голосом и сделала вид, что хочет упасть в обморок. Партнер ее замахнулся шляпой, и Фома в страхе взвился на дерево. Рассерженный кавалер

увел даму, и оба они скрылись в помещении, где была дирекция парка. Через некоторое время к танцплощадке подошел человек из стрелкового клуба. В руках он держал малокалиберную винтовку. Человек все разглядывал кроны деревьев, кого-то отыскивая. Вот он увидел Фому и поднял винтовку. Поднялся негодующий крик, свист. Трое парней направились к нему с явным намерением помешать. Оркестр умолк. В этот момент «снайпер» с расстояния в пятнадцать шагов тщательно прицелился и нажал спуск. Еле слышно треснул выстрел. Фома, прошитый пулькой, дернулся, кивнул ушастью головой и камнем упал вниз. Маленьким серым комочком лежал он на желтом песке аллеи. Довольный стрелок удалился. Шум постепенно утих. Вновь загрела музыка, закружились пары. И никому уже не было дела до безжизненного комка перьев, из которого торчали когтистые лапки и острый крючковатый клюв.

Потом, говорят, вышла из круга какая-то сердобольная девчонка. Наклонилась, свесив до земли косы, и осторожно подняла убитую птицу. Бережно, прикрывая ладонями, унесла в кусты. Эта девчонка была с нашей улицы. Она знала Фому.